

Бакирова Лена Рифхатовна

канд. филол. наук, старший преподаватель

ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический

институт МВД России»

г. Уфа, Республика Башкортостан

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛОЙ ПРОЗЫ ИЗ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются имена собственные из текстов малой прозы, вошедших в «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского разных лет; прослеживаются этимология и связь антропонимов с авторским замыслом и идеей анализируемых художественных текстов.*

***Ключевые слова:** малая проза, Дневник писателя, Федор Михайлович Достоевский, этимология, антропонимы, авторский замысел.*

Изучение имен и фамилий героев в художественных произведениях очень значимо. Этимология имени собственного очень часто помогает понять авторский замысел и идею произведения, в нашем случае, это тексты малой прозы из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: «Мужик Марей» (1876), «Столетняя» (1876), «Фома Данилов, замученный русский герой» (1877), «Похороны общечеловека» (1877).

Как свойственно всему «Дневнику писателя», рассказу «Мужик Марей» предшествует глава «О любви к народу. Необходимый контракт с народом», которая касается одного из сквозных и важнейших вопросов в публицистике Достоевского. Так, «...заглавие «Мужик Марей» задаёт принцип связи конкретного лица, факта с самым общим и существенным (мужик – главный человек в русском мире, одна из его основ). Подобный формообразующий принцип связи факта и смысла частного и всеобщего обеспечивает известное равновесие внутреннего и внешнего в повествовании» [1, с. 243]. В названии «Мужик Марей» «...дан предельно обобщённый масштаб восприятия, словно выводящий читателя из круга повседневных забот к родовому, вековечному» [1, с. 144].

Первая фраза в «Мужике Марее» строится как продолжение авторского рассказа, начало которого находится за пределами текста. С помощью этого приёма устанавливается внутренняя связь между темами, вопросами прежних глав и предлагаемым текстом.

Собственно рассказ о встрече с мужиком Мареем – это часть текста, выполняющая в композиции целого функции притчи. Марей дан с минимальной характеристикой: «Это был наш мужик Марей. Не знаю, есть ли такое имя, но его все звали Мареем, – мужик лет пятидесяти, плотный, довольно рослый, с сильною проседью в тёмно-русой окладистой бороде» [3, с. 48]. Комментаторы отмечают, что «Марей – просторечная форма имени Марий. Среди крепостных, принадлежавших Достоевским, крестьянина по имени Марий не было. По указанию А.М. Достоевского и по устным рассказам, записанным в 1925 году от крестьян бывшего поместья Достоевских, прототипом Мареев можно считать крестьянина села Дарового Марка Ефремова, которому в 1835 году было 48 лет» [3, с. 344].

Не случайно писатель назвал мужика именно Мареем. Антропоним Марий от латинского означает «море» и может ассоциироваться с чем – то безграничным, но, прежде всего, это имя ассоциируется с женским именем Марии, Богородицы, которое в свою очередь выражает собой женское начало, материнскую любовь, жалость и сострадание к униженным и оскорблённым, а также безграничную любовь к людям.

И действительно, Достоевский не раз отмечает материнское начало в мужике Марее: «смотрел на меня с беспокойной улыбкой», «улыбнулся какою – то материнскою и длинною улыбкой», «матерински мне улыбался», «ласково улыбается и кивает головой». Реакция крепостного мужика на испуг барчонка: «Он протянул тихонько свой толстый, с чёрным ногтём, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивающих моих губ», – заставила писателя по-другому взглянуть на «зверски невежественный народ».

Таким образом, имя героя – Марей, связанное, прежде всего с материнским началом и безграничной любовью к людям, раскрывает авторскую позицию по отношению к русскому народу-богоносцу.

Аналогичное имя – Мария Достоевский дал героине другого своего рассказа «Столетняя». Ее отчество Максимовна можно трактовать как производное от имени Максим – от латинского *maximus* – самый большой; величайший. Как видим, уже в этимологии имени и отчества героини прослеживается сила и величие ее духа.

Столетняя тихо и радостно отдала Богу душу, «отошла без болезни и непотыдно», оставив после себя дочь, внучку, правнуков. Писателю было важно утвердить мысль о том, что к такому единению людей в жизни и в смерти способны именно простые, добрые люди, подобные Марье Максимовне.

Публицистический очерк «Фома Данилов, замученный русский герой», вошёл в первую главу январского номера «Дневника писателя» за 1877 год. Достоевский пересказал в нем газетный факт. Поступок героя представился самому автору уникальным. Очень важно, что он сумел выразить восхищение Фомой Даниловым не только с позиции русского и православного человека, но и с иноконфессиональной позиции. Фома Данилов оказался в оппозиции не «христианство-ислам», а в оппозиции «верую – не верую», соотнесенной с любым человеком, независимо от его этно-конфессиональной и национальной принадлежности. Любая религия требует веры в момент её испытания: силы духа, нравственной стойкости, непоколебимости, терпимости, которую и показал русский солдат. «Прояви он слабость, сомнение в своей вере, он вызвал бы презрение у мусульман» [2, с. 51]. Но Фома Данилов не усомнился и смог пройти испытание. Удостоверившись в силе русского солдата, мусульмане называли Данилова «богатырём», поскольку в нём «живёт бог», и не важно, что этот человек другой веры. Л.Н. Гумилёв этимологически вывел слово «богатырь» от тюркского «багатур» – буквально «тот, в ком живёт бог; это народное наименование степных богатырей» [2, с. 50].

С этой точки зрения интересно рассмотреть и его имя. Антропоним Фома – от древнееврейского – близнец. Это имя известно еще из Библии. Фому Данилова можно назвать человеком, который так же, как и мусульмане верит в своего бога и не отречется от него ни при каких обстоятельствах, то есть является близнецом мусульман по силе своей веры. Фамилия Данилов тоже предположительно происходит от имени Данил, которое в свою очередь от Даниил – с древнееврейского – мой судья – бог. Это подтверждает мнение Л.Н. Гумилева. Таким образом, Достоевский нравственно сближает мусульманина и христианина, что прослеживается и в имени героя.

Публицистический очерк «Похороны общечеловека» вошёл в третью главу мартовского номера «Дневника писателя» за 1877 год. В нем Достоевский разрешает так называемый «еврейский вопрос».

Для него еврей доктор Гинденбург – «общечеловек», который не различал бедных и богатых, протестанты и евреи считали его своим. Все народности признали праведного старика за своего спасителя, который соединил над своим гробом весь город, представители всех религий хоронили его по-своему, никто не мешал друг другу. Русские бабы и бедные еврейки целовали его ноги в гробу вместе, теснились около него и плакали.

Дальнейшее художественное развитие образ доктора Гинденбурга получил в романе «Братья Карамазовы». Имя доктора Достоевский несколько изменил – Герценштубе. Как пишет Н.Н. Наседкин: «Фамилия добряка доктора забавно перекликается с фамилией А.И. Герцена и произведена от немецких слов «Herz» (сердце) и «Stube» (комната): по смыслу что-то вроде домашний, ласковый (сердечный) человек» [4, с. 204], что вполне подтверждается поступками героя.

Как мы стремились показать, антропонимы этимологически и окказионально являются в произведениях малой прозы из «Дневника писателя» Достоевского «говорящими».

Список литературы

1. Акелькина Е.А. Формирование философской прозы Ф.М. Достоевского («Дневник писателя». Повествовательный аспект) // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. – Екатеринбург, 1991.
2. Борисова В.В. Национальное и религиозное в творчестве Ф.М. Достоевского (проблема этно-конфессионального синтеза). – Уфа, 1997.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 22. – Ленинград, 1981.
4. Наседкин Н.Н. Достоевский. Энциклопедия. – М., 2003.